
ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 821.161.1 *Толстой*

НАГИНА К.А.¹ НА ПУТИ ДУХОВНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ:
Л.Н. ТОЛСТОЙ И ТОЛСТОВЦЫ В ПОИСКАХ НРАВСТВЕННО-
ГО СМЫСЛА ТРУДА.

DOI: 10.31249/lit/2022.04.05

Аннотация. Труд занимает одно из главных мест в религиозно-философской концепции жизни Л.Н. Толстого. В его системе ценностей он является одной из основ человеческого существования, когда подкрепляет дело спасения души. Однако не всякий труд, с точки зрения писателя, придает жизни смысл. Свою точку зрения на труд он раскрывает в статье «Неделание», в эссе «Труд, смерть и болезнь». Наиболее показательны сцены «хлебного» труда в романе «Анна Каренина», где звучат евангельские мотивы, и повесть «Крейцерова соната», в которой с использованием ряда анималистических метафор осуждается праздная жизнь представителей привилегированных классов. Идеи Толстого отражены и в деятельности толстовских коммун, одной из которых явилась сибирская коммуна «Жизнь и труд».

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; труд; «Крейцерова соната»; «Неделание»; толстовские коммуны.

Для цитирования: Нагина К.А. На пути духовного исцеления : Л.Н. Толстой и толстовцы в поисках нравственного смысла труда // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2022. – № 4. – С. 78–89. DOI: 10.31249/lit/2022.04.05

¹ © **Нагина Ксения Алексеевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы Воронежского государственного университета.

NAGINA K.A. On the path of spiritual healing: Leo Tolstoy and the Tolstoyans in search for moral meaning of work.

Abstract. The human work occupies one of the main places in the religious and philosophical concept of life by Leo Tolstoy. In his system of values, the labour remains one of the foundations of human existence, while reinforcing the soul salvation doing. According to the writer, however, not any labour can give meaning to life. Tolstoy presents his point of view on this subject in the article *Non-doing* and the essay *Work, death and illness*. The most convincing from this point of view are the scenes of “bread labour” in the novel *Anna Karenina*, where gospel motifs are evident, as well as the story *Kreutzer Sonata*, where the idle life of the privileged classes is condemned with the help of the series of animalistic metaphors. Tolstoy’s ideas are also reflected in activities of a number of Tolstoyan communes including *Life and Labor* in Siberia.

Keywords: L.N. Tolstoy; labour; *Kreutzer Sonata*; *Non-doing*; Tolstoyan communes.

To cite this article: Nagina, Kseniya A. “On the path of spiritual healing: Leo Tolstoy and the Tolstoyan movement in search for moral meaning of work”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 4, 2022, pp. 78–89. DOI: 10.31249/lit/2022.04.05 (In Russian)

Все произведения Льва Толстого – и художественные, и религиозно-философские – проникнуты поисками смысла бытия. Этот смысл ищут все автореферентные персонажи писателя, и неизменно их поиски приводят к мысли о необходимости трудиться – труд занимает особое место в системе ценностей героев и самого их создателя. Первым героем, связанным с идеей сельского труда, становится Дмитрий Нехлюдов в рассказе «Утро помещика» (1856). Он пытается создать в своей деревне собственную Аркадию, обитателями которой должны стать крепостные крестьяне. Но они, к его великому разочарованию, имеют собственные представления о жизни и сельском труде, и отказываются от благодеяний молодого хозяина. Проблема на этом этапе оказывается неразрешенной.

Нехлюдову в «Войне и мире» (1865–1869) наследует Николай Ростов. Став мужем Марьи Болконской и унаследовав Лысые

Горы, Николай превращается в настоящего хозяина, уважаемого своими крестьянами, которые даже после его смерти хранят добрую память о нем: «Хозяин был... Одно слово – хозяин!» [6, т. 7, с. 268–269]. В «Анне Карениной» (1875–1877) Толстой делает следующий шаг на пути уяснения смысла труда, утверждая, что нравственность «передается через традицию». Отсюда его интерес к народу – носителю мудрости и моральных истин. Крестьяне для Толстого «целиком в природе», но «не целиком из природы». Труд является проявлением их сущности, говорит о «присутствии бога в их душах» [4, с. 164–165]. Он – часть крестьянской культуры, традиции, предания. Мысль о том, что «сохранение, спасение, поддержание, передавание (предание) жизни» «осмысленно и нравственно», а разрушение ее – «бессмысленно и безнравственно», «сообщает религиозное содержание крестьянскому труду и жизни трудящегося народа в целом» [1, с. 99].

Крестьянский труд снимает противоречие между личным и общим, особенно тяготящее Левина – очередного автореферентного героя писателя: «Капля труда вливается “в море общего труда”, капля-жизнь вливается в море-жизнь» [1, с. 197]. «Семейно-хозяйственная модель приобретает в романе всечеловеческий масштаб. <...> Обязанности родственно-хозяйственные в итоге осознаются и исполняются как обязанности религиозные, они-то и открывают путь вере. Идея всечеловеческого “семейного” единения снимает противоречие “блага личного” и “блага общего”: забота о семье остается удовлетворением природного “эгоизма”, одновременно “мысль семейная” как общее мирозерцание позволяет в ближних увидеть детей и братьев и в служении им открыть истину жизни для других, для Бога» [1, с. 194–195].

Левин – последний персонаж Толстого, находящий смысл жизни и Бога в сельском труде. В 1880–1890-е годы Толстой создает ряд художественных и философско-религиозных произведений, в которых осуждает лишнюю труда и смысла жизнь «богатых и знатных». И здесь возникают неожиданные «сцепления»: повесть «Крейцера соната» (1890) вступает в диалог с рассказом «Как чертенок краюшку выкупал» (1886) и пьесой «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» (1886), а подкрепляют

эту связь анималистические метафоры¹. Чертенюк учит крестьянина превращать зерно в вино. Добившись своей цели, он наблюдает, как в мужиках начинается «говорить» «звериная кровь». Принадлежность «крови» конкретному зверю – лисе, волку и свинье – соответствует стадиям опьянения. Последняя стадия – «свиная»: «Вышел проводить гостей хозяин, упал носом в лужу, измазался весь, лежит как боров, хрюкает» [6, т. 10, с. 350]. Толстой объясняет эти метаморфозы изначальным присутствием «звериной крови» в человеке.

Эта идея поддерживает художественную мысль «Крейцеровой сонаты» – с ней связаны и трансформации человеческого в животное, звериное. Ход «звериной крови» в мужике становится возможным только тогда, когда в скромном крестьянском хозяйстве появляются излишки. По наущению чертенка мужик очень удачно сеет хлеб: «Я ему всего только сделал, – говорит чертенюк “набольшему” черту, – что хлеба лишнего зародил. Она, эта кровь зверина, всегда в нем живет, да ей ходу нет, когда хлеба с нужду рождается. Тогда он и последней краюшки не жалел, а как стали лишки от хлеба оставаться, стал он придумывать, как бы себя потешить. И научил я его потехе – вино пить. А как стал он божий дар в вино курить для своей потехи, поднялась в нем и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пил, всегда зверем будет» [6, т. 10, с. 350].

В «Крейцеровой сонате» Толстой исследует другой порок – похоть, но причины превращения человека в зверя кроются в излишках: денег, пищи, времени, чувств. Идею чертенка повторяет Позднышев, убежденный в том, что движение человечества к идеалу затрудняют страсти, в особенности самая «злая» и «упорная» – «половая плотская любовь»: «Ведь наша возбуждающая излишне пища при совершенной физической праздности есть не что иное, как систематическое разжигание похоти. <...> Обыкновенная пища малого из крестьян – хлеб, квас, лук; он жив, бодр, здоров, работает легкую работу. Он поступает на железную дорогу, и харчи у него – каша и один фунт мяса. Но зато он и выпускает это мясо на шестнадцатичасовой работе с тачкой в тридцать пудов. И ему это как раз так. Ну а мы, поедающие по два фунта мяса, дичи и

¹ Об этом подробнее см. в: [3].

всяческие горячительные яства и напитки, – куда это идет? На чувственные эксессы. И если идет туда, спасительный клапан открыт, все благополучно; но прикройте клапан, как я прикрывал его временно, и тотчас же получается возбуждение, которое, проходя через призму нашей искусственной жизни, выразится влюблением самой чистой воды» [6, т. 12, с. 140].

Толстой выдвигает на первый план идею губительности для человека излишков при отсутствии необходимости трудиться. Неоднократно возвращаясь в ней в своих публицистических работах и дневниках, он связывает ее с анималистическими образами. Так, в Дневнике от 12 октября 1905 г. он записывает: «Совершенно ясно понял и почувствовал все безумие нашей, богатых, освобожденных от труда сословий, жизни и то, что оно не может быть иначе. Люди, не работая, т.е. не исполняя один из законов своей жизни, не могут не ошалеть. Так шалеют перекормленные домашние животные: лошади, собаки, свиньи» [5, т. 55, с. 166].

«Крейцера соната» представляет собой обвинительный акт для «богатых и знатных»: «Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют» [5, т. 49, с. 58]. С его точки зрения, жизнь привилегированной части общества представляет собой «дом терпимости», поскольку «злодеи» не имеют реального дела и лишены необходимости обеспечивать существование своим трудом.

Герои «Крейцеровой сонаты» сравниваются с «перекормленными домашними животными»: они точно так же «прыгают, дерутся, носятся с места на место, сами не зная зачем». Потребительская жизнь ставит своей целью получить как можно больше удовольствия. Такую жизнь Позднышев объявляет «свиной жизнью», поскольку видит в ее основе «животные излишества».

Как демонстрирует Толстой, «человек теряет свое обличье и превращается в животное, когда перестает добывать свой хлеб. Только непрерывный тяжелый труд – причем нравственный не исключает физического – делает человека человеком, поддерживая баланс между его потребностями и способами их удовлетворения» [3, с. 18].

Однако и здесь позиция Толстого нуждается в комментариях: с его точки зрения, нравственно содержательным является далеко не всякий труд. Разъяснение по этому вопросу писатель дает

в статье «Неделание», написанной в 1893 г. по поводу обращений к молодежи двух французских писателей – Э. Золя и А. Дюма.

В речи на банкете студенческого союза Э. Золя констатирует, что молодое поколение уже не возлагает надежды на науку, считая, что позитивизм изжил себя. Конец XIX столетия он представляет кризисной эпохой и выход из кризиса видит в труде – «правильном, ежедневном, уроке, обязанности, которую себе задал» [5, т. 29, с. 180]. Труд Золя утверждает как «единственный закон мира» и смысл жизни: человек появляется на земле для того, «чтобы совершить» свою «долю труда и исчезнуть». Подобный взгляд на труд лишает его метафизического ореола, все же оставляя главным средством приобретения «нравственного и физического здоровья» [5, т. 55, с. 166].

На первый взгляд, мысли Золя о сохранении «нравственного и физического здоровья» благодаря труду поддерживают пассажи Толстого из «Крейцеровой сонаты». Однако пафос речи Золя не только не убеждает Толстого, но и раздражает его. Толстой отрицает мысль о том, что наука может послужить руководителем человечества в поисках истины. «Люди науки», в представлении Толстого, похожи «на древних жрецов», которые «смело выдавали за истину то, что им взбрело в голову». Науку Толстой воспринимает как «отвлекающее» средство: человечество уже стоит перед пропастью, в которую с неизбежностью должно рухнуть, а наука в состоянии помочь лишь отвести ему глаза от этой пропасти. Научный труд не может служить искомым смыслом жизни: «Что как я посвящу свою жизнь на исследование явлений в роде наследственности по учению Ломброзо, или коховской жидкости <...> и вдруг узнаю перед смертью, что то, на что я посвятил всю свою жизнь, были глупые, а может быть, даже и вредные пустяки, а жизнь у меня была только одна» [5, т. 29, с. 185].

Толстой обращается здесь к китайскому философу Лао-цзы, вводя понятие «неделание»: «Все бедствия людей, по учению Лаодзы, происходят не столько от того, что они не сделали того, что нужно, сколько от того, что они делают то, чего не нужно делать». Вопрос «неделания» Толстой переносит в социальный план – «неделание» способно избавить людей от «бедствий... общественных»: «Биржевой игрок, банкир возвращается с биржи, где он усердно работал; полковник с обучения людей убийству. <...> Все

эти люди работают, но неужели можно поощрять их работу?» [5, т. 29, с. 185–186]. Подобного рода труд не делает человека добрым, он превращает его в муравья из басни – «существо, лишённое разума и стремления к добру», которое только и может думать, что «труд есть добродетель и... гордиться им» [5, т. 29, с. 187].

Полемизируя с Золя, Толстой объявляет труд потребностью – такой же, как пища, и не сомневается, что приписываемое труду современным обществом значение «могло возникнуть только как реакция против праздности, возведенной в ранг благородства» [5, т. 29, с. 187]. Писатель, как и в «Крейцеровой сонате», сравнивает людей своего класса с «телятами, скачущими вокруг кола, к которому они привязаны», поскольку не умеют «найти более разумного упражнения своих органов» [5, т. 29, с. 187]. В итоге Толстой заявляет, что вредный и пустой труд мешает людям увидеть те противоречия, в которых они продолжают жить.

Иначе Толстой реагирует на письмо А. Дюма. В письме к редактору «Голуа» французский писатель обращает внимание на то, что в человеке «живет неудержимая потребность идеала», и эта потребность склоняет его к религии и мистицизму. Тот труд, о котором говорит Золя, представляется ему недостаточным лекарством: душа заявляет свои требования в человеке, та душа, которая сама находится в беспрестанном труде. Дюма оптимистично смотрит в будущее столетие: «...я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществления слов: “Любите друг друга”, без рассуждения о том, кто сказал эти слова: бог или человек» [5, т. 29, с. 193].

Толстой видит в словах Дюма пророчество: они противоположны всеобщему настроению людей, но люди, слыша их, сами не зная почему, соглашаются с ними. Они верят, что любовь возможна, но не могут осуществить ее.

Страдания людей, как говорит Толстой, проистекают из ложного понимания жизни: «Большинство людей христианского мира нашего времени живут языческой жизнью не столько потому, что они желают жить так, сколько потому, что устройство жизни <...> осталось то же и поддерживается постоянной суетой людей» [5, т. 29, с. 198–199]. Чтобы установить Царство Божие, где люди друг друга любят независимо от семьи или народности, к которым принадлежат, нужно изменить жизнепонимание. «Суета существования», в том числе бесполезный труд, препятствует это-

му. И нужно остановиться, выйти из суевы, и станет людям ясна бессмысленность их деятельности. Тогда «христианское понимание само собой так же неизбежно, как неизбежно на морозе замерзает вода, как скоро перестать шевелить ее, сложится в сознании» [5, т. 29, с. 200]. «Изменение жизнепонимания» – тот верный путь, по которому должно двинуться человечество.

Мысль об изменении «жизнепонимания» лежит в основе толстовского рассказа «Хозяин и работник», написанного в 1895 г., через два года после статьи «Неделание». В самом заглавии рассказа содержится обращение к теме труда: в поте лица трудятся оба героя – и хозяин Василий Андреич Брехунов, и работник Никита. Однако бытийные задачи перед ними стоят разные. Брехунов – приобретатель, «хищник», гордящийся собой и своими успехами. Дом, амбар под железной крышей – символы его материальных достижений. Герой находится в непрестанном движении, пытаясь из всего извлечь выгоду. В метель он отправляется к соседнему помещику, чтобы выгодно купить у него дубовую рощу. Следовательно, Брехунов как раз занят тем, что, по мысли Толстого, лучше не делать вовсе. Итоги его труда – разрушение «живой жизни», связей с людьми и Богом. С Богом Брехунов, как ему кажется, вступает в особые отношения. Он считает, что Бог покровительствует таким, как он: «Трудись, Бог и даст» [6, т. 12, с. 237]. Он хозяйничает даже в Божьем храме: исполняя обязанности церковного старосты, запросто берет деньги из церковной казны.

Своего работника Никиту герой считает «дураком» [6, т. 12, с. 237], который не заслуживает помощи Бога, поскольку не проявляет необходимого житейского энтузиазма. Никита довольствуется положением зависимого человека, честно служа своему хозяину. Однако «метельная» ситуация выявляет бытийный смысл позиции работника – он служит не Брехунову, а истинному Хозяину бытия: вся его жизнь «была непрерывающей службой, от которой он начал уставать <...> он чувствовал себя всегда в этой жизни в зависимости от хозяина, того, который послал его в эту жизнь...» [6, т. 12, с. 332]. Труд соединяет Никиту с животными, за которыми он ухаживает, с землей, которую пашет, а через них – с людьми и Богом, которому служит.

В этом рассказе слово «хозяин», уважительно звучащее в адрес Николая Ростова в романе «Война и мир» и Константина

Левина в романе «Анна Каренина», приобретает иное звучание в отношении Василия Брехунова. Однако в финале рассказа герой прозревает: его истинным бытийным трудом становится акт служения работнику Никите, которого он спасает, погибая сам. Финал рассказа снова обращает к статье «Неделание», но уже к высказанной Толстым в ее финале мысли о необходимости изменить жизнепонимание – отказаться от «суеты существования» и обратиться к любви. Василию Брехунову удается остановиться и сделать этот шаг.

Однако изменить жизнепонимание в целом не так-то легко. Люди отказываются следовать по пути добра – для этого они слишком эгоистичны. Используя форму легенды индейцев Южной Америки в притче «Смерть, труд и болезнь», Толстой «представляет историю человечества как разъединение, которое привело к искажению воли Бога и разрушению идеального устройства жизни, когда люди могли быть счастливы, не зная ни труда, ни болезней» [7, с. 52–53]. Пытаясь объединить людей, бог дает им возможность трудиться, но они сбиваются в «кучки», «стараясь отнять» друг у друга работу. Тогда бог посылает людям смерть, что тоже не улучшает их существования, и, наконец, болезнь, но и «те самые болезни, которые должны были соединить людей, еще более разъединяют их» [5, т. 34, с. 130]. Тогда бог оставляет людей на произвол судьбы, и только «в самое последнее время» «некоторые из них» начинают «понимать, что труд не должен быть пугалом для одних и принудительной каторгой для других, а должен быть общим радостным делом, соединяющим людей» [5, т. 34, с. 130].

В этой легенде Толстой «рассматривает труд наряду с такими основными факторами бытия, как смерть и болезнь. Труд на земле помогает преодолеть “сумасшествие эгоизма” индивидуальности, <...> включает жизнь человека в контекст общего течения жизни, мира природы» [7, с. 53].

В полной мере этими бытийными качествами для Толстого обладает земледельческий труд, не случайно такой живой отклик вызывает у него сочинение крестьянина Тимофея Михайловича Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». Толстой замечает, что наивное сочинение крестьянского философа обнаруживает «истинный и нужный ход мысли»: хлебный труд Бондарев признает основным законом жизни, отступление от

которого «ведет за собой неизбежные бедствия и страдания» [5, т. 25, с. 473].

В своем сочинении Бондарев утверждает, что хлебный труд есть исполнение «первородного закона»: «В поте лица твоего снеси хлеб твой». Однако Толстой «дополняет учение крестьянина, углубляя и представление о целях трудовой деятельности»: труд в интерпретации Толстого становится «средством спасения... души, предполагавшим и опрощение, и отказ от собственности, и обращение к крестьянскому труду» [7, с. 49].

Т. Бондарев так и остался философом-одиночкой, однако Толстой вдохновил целый ряд последователей – толстовцев, которые пытались на практике осуществить его идеи в коммунах. Появлению такого рода коммун способствовали В.Г. Чертков, П.И. Бирюков, И.И. Горбунов-Посадов. Основателем коммуны «Жизнь и труд», действовавшей в Москве в 1920-е годы, стал Борис Васильевич Мазурин, сын толстовца, лично знавшего писателя. В 1930 г. власти переселили толстовцев в сибирское поселение Абашево, где организовались коммуны «Жизнь и труд», «Мирный пахарь» и «Всемирное братство», позднее реорганизованные в один колхоз («Жизнь и труд»). Этот колхоз в 1949 г. переместился в поселок Тальжино, где «потомки коммунарков до сих пор собираются на праздники и памятные даты» [2, с. 53]. Коммунары «воплощали в жизнь идеи непротivления злу, отказ от употребления спиртных напитков и табака, естественный труд. <...> последователи учения Толстого даже во время Великой Отечественной войны отказывались от несения военной службы, а это расценивалось в те годы как преступление против государства. Многие толстовцы были расстреляны или сосланы в лагеря, где большинство из них погибло» [2, с. 53].

Труд оказался скрепляющим в этой системе ценностей, на чем заострял внимание вдохновитель и идеолог толстовского движения Б.В. Мазурин: «Стараться соединяться со всеми людьми всегда и везде, не только в коммуне. Единение же только с членами коммуны есть сектантство, значит, это не приводит людей свободных в коммуну... Коммуна в смысле духовной жизни значения не имеет. <...> Мы собрались вокруг земли, вокруг труда, вокруг хлеба» [цит. по: 8, с. 46].

И.А. Юртаева видит в Б.В. Мазурине «представителя того самого аристократического типа русского крестьянина, который стал идеалом для Л.Н. Толстого в кризисный период, и к которому было прежде всего обращено учение писателя» [8, с. 47]. Б.В. Мазурин десять лет провел в лагерях, но сохранил верность толстовскому учению. В статье, посвященной истории толстовской коммуны «Жизнь и труд», И.А. Юртаева приводит слова Б.В. Мазурина из адресованного ей письма: «Это учение не выдуманно, а жизненно. Поэтому оно все более и более будет входить в сознание и жизнь всех людей, которые верят в путь насилия, вооружения, войн. Но это путь обреченных. Разум, мир, братская солидарность, безнасилие – путь Толстого должен победить» [8, с. 47].

В своем творчестве Толстой всегда тщательно «сводил круг», основываясь на «внутренних сцеплениях». Такими «сцеплениями» в данном случае оказываются факты художественные и бытийные: радость хлебного труда, испытанная героем «Анны Карениной» Константином Левиным, смыкается с реальными чувствами Бориса Мазурина, основателя коммуны «Жизнь и труд», вдохновленного толстовским учением. Земледельческий труд, служащий любовному единению людей-братьев, с точки зрения Толстого, является единственно возможным способом духовного исцеления человечества.

Список литературы

1. Гродецкая А.Г. Ответы предания : жития святых в духовном поиске Льва Толстого. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 264 с.
2. Калашникова А.Л., Поселенова Е.Ю. Наследие сибирской коммуны последователей учения Л.Н. Толстого в региональной культурной системе // Вестник КемГУКИ. – 2013. – № 23. – С. 52–58.
3. Нагина К.А. Из bestiария русской литературы : человек и свинья в творчестве Л.Н. Толстого // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. – 2016. – Т. 26, вып. 3. – С. 12–18.
4. Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого, 1847–1880 / пер. с англ. А.Г. Гродецкой. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. – 304 с.
5. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. – Москва ; Ленинград : Худож. лит., 1928–1958.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. – Москва : Худож. лит., 1978–1985.
7. Юртаева И.А. Тема труда в творчестве Л.Н. Толстого // Феномен труда в художественном истолковании : сборник научных статей. – Новосибирск ; Кемерово : НГТИ : КемГУ, 2013. – С. 48–54.

На пути духовного исцеления: Л.Н. Толстой и толстовцы в поисках нравственного смысла труда

8. Юртаева И.А. Толстовское вероучение : уроки и практика. Об истории толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Вестник КемГУКИ. – 2013. – № 3 (55), т. 3. – С. 34–48.